

**МИХАИЛ
ДЕЛЯГИН**

РОССИЯ

ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

**КОНЕЦ ЭПОХИ
НАЦИОНАЛЬНОГО
ПРЕДАТЕЛЬСТВА?**

Глава 3

ЭПОХА НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Наша экономика больна, – и, увы, не санкциями. Почти тотальные коррупция, безнаказанный произвол монополий и последовательный отказ либерального клана от развития доламывают хребет «поднимающейся с колен» России и без холодной войны Запада.

Ведь максимальное бегство капитала – 19,4 млрд. долл. – наблюдалось в январе 2014 года, задолго до украинского кризиса.

А торможение роста ВВП до 1,3% (что с учетом занижения официальной инфляции вообще означает снижение), равно как и промышленный спад с января по август, и переход бурного инвестиционного роста в сокращение инвестиций произошли в и вовсе тихом 2013 году.

По итогам которого правительство попало в ловушку. Дальнейшее «сохранение стабильности» означало спад, который нельзя было бы скрыть, уже в 2014 году, а переход от стратегии воровства в стиле 90-х к стратегии развития требовал ограничения коррупции и произвола монополий, ведя к внешним конфликтам (ибо почти любое производство, создаваемое в России, отнимает прибыль у бизнеса Европы или Китая).

Единственным выходом оставалась девальвация – и она была проведена в начале 2014 года (и, затем, в начале осени) с фееричным обоснованием: мол, Банк России намерен отказаться от ответственности за стабильность рубля.

И то верно: зачем чиновнику ответственность?

В качестве компенсации Банк России вознамерился бороться с инфляцией, хотя она с 90-х годов вызывается в основном не избытком денег у населения и бизнеса, а произволом монополий, влияния на которые Банк России не имеет. Его стремление бороться с инфляцией напоминает желание гинеколога лечить язву желудка – используя исключительно свойственные ему навыки и инструменты.

Естественным результатом столь внятных намерений стала паника, охватившая бизнес. Она была многократно усилена ориентацией либералов на обслуживание бизнеса, что в финансовом секторе означает преимущественно спекулятивный уклон так называемой «государственной» политики. Девальвация в интересах общества, для поддержания конкурентоспособности проводится как можно быстрее, – как было в 2009 году в столь разных странах, как Казахстан, Польша и Норвегия. Это позволяет минимизировать панику и спекуляцию.

В интересах же спекулянтов растянуть девальвацию на как можно больший срок: похоже, именно поэтому в России она всякий раз занимает несколько месяцев. В 2008-2009 годах это стоило нашей стране почти четверть триллиона долларов; в начале 2014 года девальвация была менее масштабна и обошлась впятеро дешевле, но проводилась так же: постепенно, вызывая максимум тревог, чтобы принести спекулянтам максимум доходов.

В итоге экономику удалось подстегнуть: спад инвестиций затормозился, в промышленности сменился ростом, рост ВВП остался почти прошлогодним, сальдо внешней торговли подскочило, бюджет получил сверхдоходы и стал профицитным.

Но социальная цена этого чрезмерна: даже официальная инфляция в марте втрое превысила прошлогоднюю (по итогам января-августа разрыв сократился до одной пятой), а реальные доходы населения достигли прошлогоднего уровня лишь в июле. Кроме того, девальвация удорожила внешние займы, затруднив их получение не меньше санкций. Это ударило по бизнесу, создав хоть и локальные, но болезненные социальные проблемы.

Отдельные проблемы создали ответные санкции, омерзительные в своей не только беспомощности, но и бездумности. Отказ от ограничения произвола монополий вызвал рост цен, в том числе и на не санкционные товары, а распространение санкций на оплаченный, но еще не доставленный груз нанес бизнесу ущерб, по оценкам, около 140 млн. долл. (и спровоцировал его не обанкротившуюся часть на дополнительное завышение цен для возмещения убытка). Краткосрочность санкций не стимулирует производство: за год, на который они введены, инвестиции не окупятся. А о регионах, для которых зависимость от прекращенных поставок была критической (как минимум Калининградская область и Крым), похоже, не подумали вообще.

Более всего это напоминает осмысленную провокацию либерального клана против государства в стиле саботажа «майских указов» Путина, сброса обязательств на регионы без финансирования, повышения налогов и фактической отмены накопительных пенсий в условиях, когда бюджет захлебывается от денег и не знает, куда их деть.

А позитивный эффект девальвации, не подкрепленной снятием коррупционных и монополистических барьеров, не говоря уже о переходе от воровства к комплексной модернизации инфраструктуры, оказался исчерпанным уже в конце лета, что привело ко второй волне ослабления рубля.

Сохранение либерального клана во власти, продолжение социально-экономической политики 90-х годов вновь ставит Россию перед выбором между началом экономического спада и новым падением рубля.

Недаром в середине августа, в разгар летнего отдыха, Банк России расширил колебания курса рубля более чем на четверть (с 7 до 9 руб.) и отказался от вмешательств в рамках этого диапазона (превышающего 20% стоимости бивалютной корзины). До конца 2014 года рубль будет выведен в «свободное плавание», и Банк России к восторгу либералов и спекулянтов умоет руки, занявшись «таргетированием инфляции», а затем, вероятно, объяснением ее роста произволом монополий.

Но падение рубля – это скачок цен и обеднение людей.

Официальная статистика, по которой реальные доходы населения выросли на 3,2% в 2013 году и сохранили стабильность в январе-июле 2014, не должна обманывать. Занижение официальной инфляции завышает реальные доходы, а в коррупционноолигархической системе доходы богатых быстро растут почти всегда, сильно приукрашивая «среднюю температуру по больнице».

По данным «Левада-центра», доля имеющих сбережения россиян выросла с 2011 года лишь с 27 до 30%. Остальные, как и 20 лет назад, беззащитны перед ухудшением конъюнктуры.

Доходы большинства, по всей видимости, снижаются с лета 2013 года, – и новый удар по ним может не только иметь очевидные политические последствия, но и изменить мировосприятие, сделав для нас недоступными, например, зарубежные поездки.

Они нужны не только для отдыха, но и для необходимого расширения кругозора, понимания разнообразия мира, укрепления интереса к жизни – и повышению через это уровня общей культуры. Считающие, что частые поездки за рубеж превращают людей в либералов и врагов своей страны, тем самым расписываются в своем презрении и ненависти к России, неявно признаваясь: они полагают ее заведомо и во всем хуже «заграницы».

На деле же после восторга первых выездов люди, неминуемо начиная интересоваться реалиями жизни в других странах и особенностями их культуры, как правило, становятся патриотами России. Маргинальное исключение в виде либералов не сильно отличается статистически от других устойчивых маргинальных групп (от предпринимателей до гомосексуалистов).

Большинство же именно под влиянием знакомства с жизнью за рубежом становится патриотами, причем патриотами придирическими, требовательными, кое-что знающими и потому опасными для бюрократии. Они не одобряют любые ее мерзости по американскому принципу «наших сукиных детей» и видят: наши пороки не являются неборимыми свойствами человеческой природы и подлежат исправлению, пусть даже вместе с паразитирующими на них чинушами.

Новыми патриотами с их кругозором и личным опытом трудно манипулировать – и потому именно они станут, прямо или косвенно, одним из факторов будущего оздоровления власти.

Но сталкивание людей в нищету, заменяя «железный занавес» холодной войны «деревянным занавесом» обесценивающегося рубля, резко сокращает масштаб и значение этой группы.

Пока она растет: уже после кризиса 2008-2009 годов и даже после Болотной площади, с 2012 года произошло резкое расширение круга россиян, выезжающих за границу.

По данным «Левада-центра», доля наших сограждан, имеющих загранпаспорт, выросла за два года почти на две трети: с 17% в 2012 до 28% в 2014, доля когда-либо выезжавших в частные поездки за пределы бывшего СССР увеличилась на треть – с 30 до 40%. Удельный вес выезжающих за границу хотя бы раз в три года по делам вырос с 6 до 9%, а на отдых – с 12 до 16%.

Это отражает не рост благосостояния, – в последние два года он был крайне слаб, – но изменение общественной потребности.

Отказ правящей тусовки от развития, делая неизбежной девальвацию и рост цен, сталкивает людей в нищету, заменяя еще не забытый «железный занавес» «деревянным». Доля россиян, которые раньше отдыхали за рубежом, но теперь больше не могут себе этого позволить, уже выросла с 10 до 13%. Новый занавес опускается не столько на границу, сколько на глаза и умы. Мешая нам осознавать свою жизнь, он делает наше общество менее адекватным, – а значит, и менее устойчивым в предстоящих потрясениях.

Глава 4

КАКОЙ ПОЛИТИКИ ТРЕБОВАТЬ ОТ ГОСУДАРСТВА

Созидание нации: что нам с собой делать

Землю, где воздух как сладкий морс,
Бросил и мчишь, колеся,
Но землю, с которой вместе мёрз,
Вовек разлюбить нельзя.

В. Маяковский

Наше общество распадается: и по этнокультурному, и по сословному, и по региональному, и даже по религиозному признакам.

Об этом можно говорить бесконечно, но множество фактов, очевидных всякому, едущему по стране, свидетельствуют об одном и том же процессе, неумолимо нарастающем на протяжении, по крайней мере, последнего десятилетия.

Вероятно, именно ощущением этого разъезжания в разные стороны еще совсем недавно единой России и объясняется пафос послания Путина, его обращение к традициям и морали, реабилитация им слова «нация». (Так что появление весомой партии «Объединенная нация» – в противовес устарелой «Единой 314 Михаил Делягин РОССИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ России» – теперь можно, похоже, считать вопросом времени.)

Немудрено, что в продолжающиеся четверть века национального предательства, в том числе и благодаря усилиям либеральных реформаторов, российское общество не смогло создать новой, постсоветской самоидентификации. Соответственно, его идентичность так и не восстановилась.

Собирание, воссоединение людей, проживающих на территории случайного по своим очертаниям обломка Советского Союза, в единую нацию – условие выживания России. Продолжение идущего, в том числе и под неумолимым катком либеральных реформ, процесса разъединения, окончательное внутреннее разделение российского общества разрушит, навсегда уничтожит нашу страну, нашу цивилизацию, нашу культуру.

Это вполне внятная, вполне очевидная, вполне реальная перспектива. Хотя нации представляют собой естественные общественные организмы и складываются в целом стихийно, история показывает: процесс их складывания, как и любые другие естественные процессы, можно ускорить и сделать менее болезненным (как, впрочем, и наоборот). Если считать нацию осознающим себя народом, – этот процесс осознания, как и в случае самосознания отдельного человека, можно весьма существенно ускорить или замедлить.

Базовые, содержательные аспекты своего единства – общие ценности, образ жизни и идеологию – каждый народ вырабатывает стихийно. В этой сфере наше разъединение, как ни странно, зашло не слишком далеко: грязная и вытертая сталинская шинель все еще греет. Еще на рубеже тысячелетий наше общество стихийно соединило социальные, патристические и демократические ценности в неуклюжий и часто уродливый, но объединяющий основную часть населения синтез.

Он нуждается лишь в артикуляции, прежде всего политической, – но либеральная

тусовка, до недавнего времени жестко контролировавшая всю формальную идеологию государства, прилагала все силы, чтобы не допустить такую артикуляцию. Ведь результатом стало бы создание качественно нового властного субъекта, прежде всего спросившего бы с этой тусовки за чудовищные 90-е и не менее страшные либеральные реформы 2000-х.

Времена меняются, и носители этого синтеза, – в том числе по-хорошему непримиримые и агрессивные, – начинают подниматься наверх в самом правящем слое, в силу неумолимой логики меж- и внутриклановой борьбы. Когда им придется взяться за выражение выработанного нашим народом синтеза ценностей, ключевое значение приобретет технологический аспект созидания нации – инструменты непосредственного решения этой задачи и формальные требования к процессу.

Созидание нации сродни воспитанию человеческой личности; при этом сознательным воспитателем может быть лишь ответственное государство, опирающееся на патриотическую, творческую и при этом вмняемую часть интеллигенции.

Примеров успешного и сознательного созидания наций из весьма разнородных, а часто и внутренне враждебных фрагментов немало. Это Германия и Италия XIX века, Швейцария, Турция (несмотря на очевидную неприемлемость примененных методов, включающих геноцид по этническому принципу), США на протяжении всей своей истории, Австралия, возможно, Канада, а также отчасти наша страна (до первой половины 70-х годов). Примером вполне успешного созидания нации на пустом месте (что обусловило длительность процесса) является история конструирования «украинства» с конца XIX века – сначала специалистами Австро-венгерской империи, затем большевиками, гитлеровцами и, наконец, на протяжении всего послевоенного периода – американцами.

Как и личность, нацию нельзя создать в отрыве от конкретного занятия; главный инструмент ее формирования – «общее дело», в которое вовлекаются (в том числе и помимо своего желания) все ее потенциальные члены. Это особенно важно для нашей страны в ее сегодняшнем состоянии, исключающем объединение по национальному или религиозному принципам из-за не только многонациональности и мультирелигиозности, но и общей слабости национального и религиозного чувства.

Наше объединение возможно только вокруг общего дела и образа жизни. И не в первый раз: собственно, именно так и складывался русский народ, который формировался из разномастных племен как едва ли не первая в мире «политическая нация» – во времена, когда таких слов еще просто не существовало, а церковь только укоренялась в стране.

Общее дело должно быть жизненно важным, всеобъемлющим, захватывающим все чувства и помыслы людей. Оно должно завершаться триумфом, так как успех в значимом деле доказывает правоту, прививает привычку к победе и воспитывает необходимые уверенность в своих силах и оптимизм. Совместное же экстатическое переживание доставшейся дорогой ценой победы закрепляет это в общественной психике на поколения вперед.

Наиболее органично общее дело вырастает из войны (лучше оборонительной, хотя бы на первом этапе) и угрозы уничтожения, преодоления общих бед. Но оно может быть и связанным с реализацией масштабных проектов (индустриализация, полет в космос, устранение угрозы голода и болезней), хотя всякая менее сильная мотивация,

чем реальная для каждого индивида угроза быстрого физического уничтожения (врагами либо разрухой), требует подкрепления постоянными усилиями государства.

Советская идентичность базировалась на трех победах: Великом Октябре (надежно скрывавшем ужас гражданской войны), победе в Великой Отечественной и полете Гагарина. Революция забылась, а полет Гагарина был чистой, светлой радостью, не превратившейся в катарсис из-за отсутствия массовых бед и лишений. Поэтому основой советского народа была страшная (настолько, что официальная пропаганда первые 20 лет попросту отрицала ее) память о войне – и именно поэтому столько усилий прилагается в последние четверть века для ее разрушения и извращения.

Общим делом России будет, – если нам удастся выжить в надвигающихся внешних и внутренних потрясениях, – возрождение после сегодняшней гламурной разрухи, преодоление уже более чем четверти века национального предательства. Этот процесс даже в самом лучшем случае будет достаточен, чтобы обеспечить полноценный, передающийся на поколения катарсис.

Для закрепления его последствий важны тактические инструменты формирования нации, прежде всего, создание и поддержание культа предков, отдавших свои жизни ради единства с подчеркиванием их альтруизма и самопожертвования, и преодоленных трагедий прошлого. При этом нельзя допускать «совкового» психологического давления на людей, инстинктивно отторгаемого ими.

Необходимо формирование «ключевых точек» национальной истории, обеспечивающих единство и прочность национального самосознания. Такую «точку», пусть даже созданную задним числом при помощи переосмысливания исторических фактов, если угодно – «переписывания истории» (пример – корейская и вьетнамская войны для США, участие в обороне Брестской крепости – для современной Чечни), должно иметь каждое поколение: иначе, не скрепленное со своей страной общим делом, оно легко станет потерянном.

Линкольн еще в бытность провинциальным адвокатом провозгласил необходимость создания и постоянного подкрепления «гражданской религии», объединяющей людей вне зависимости от их религии, национальности и культуры, интегрирующей общество внедрением в него общих ценностей, нужных именно обществу как целому, а не отдельной его части (пусть даже и доминирующей).

Как и всякая религия, «гражданская религия» нуждается в культовых местах, оказывающих подспудное влияние и не требующих усилий. Они должны быть местами отдыха и релаксации, а не поклонения (которое легко становится натужным и принудительным, что убивает «гражданскую религию», как в СССР). Идеал – ландшафтные парки с монументами, музеями, выставками, обязательно водоемами, возможностью свободных игр на свежем воздухе в любом свободно выбранном, а не только специально отведенном заранее месте.

Это позволяет осуществлять комбинированное воздействие пейзажа, архитектуры, музыки и запахов (например, от цветущих растений, подобранных так, чтобы время цветения и, соответственно, запахов было максимальным). Образцом можно считать вашингтонский Молл – парково-музейную зону между Белым домом, Капитолием и Потомаком. В Москве такой зоной может стать прилегающее к Кремлю и Красной площади Зарядье – место бывшей гостиницы «Россия». Территории МГУ на Ленинских горах и ВДНХ (где

пытались сделать нечто подобное при СССР), а также парк Культуры имени Горького не подходят из-за отсутствия политико-исторической символики.

Формирование нации невозможно без непреклонного, хотя и мягкого размывания гетто и диаспор всех видов как объективно подрывающих единство общества.

Изложенное должно быть закреплено в системе воспитания и образования – от детского сада до повышения квалификации (прежде всего в курсах истории и литературы, закрепляющей моральные ценности общества), – и в культурной политике государства (включая «госзаказ», во многом благодаря которому в 30-е годы XX века «поднялся» Голливуд).

Конечно, слепо копировать успешный опыт прошлого, даже свой собственный, – безумие, но не меньшее безумие – не использовать то правильное, что было у нас и что есть в США. Стоит вспомнить Андропова, который собирался ликвидировать национальное деление страны и разделить разномастный после Брежнева Советский Союз на 49 крупных и при этом полностью равноправных областей (разумеется, с полным сохранением культурных автономий). Конечно, применяя технологии созидания нации, нельзя забывать, что времена меняются, и новые технологии меняют потребности людей.

Так, в наше информационное время люди идут не столько за интересами, сколько за новыми ощущениями и эмоциями: сенсорное голодание, которое было болезнью начальства и заключенных, пришло в мегаполисы, – и стало наглядным фактором политики.

А все более распространенной формой организации сегодняшнего общества становится, увы, уже не партия и не клуб, а секта, члены которой объединены не критически восторженным отношением к тому или иному явлению, личности, а то и просто финансовому инструменту.

Нация – живой организм, и уже потому ее созидание – процесс непрерывный.

Нам предстоит сделать лишь первый шаг на этом вечном пути: учитывая опыт, в каком-то плане нам легче, чем нашим потомкам. Если, конечно, мы победим, и они у нас будут.

Советская система взаимодействия государства с религиями мертва.

Полтора миллиона человек, прошедшие в ледяном ноябре 2011 года под поясом Богородицы, – крупнейшая со времен Февральской революции массовая стихийная манифестация в нашей стране. Десятки тысяч мусульман, в свои праздники регулярно и демонстративно блокирующие движение даже на дальних подступах к соборным мечетям, по организованности и бескомпромиссности действий не идут в сравнение ни с каким «Маршем миллионов». В неблизком Подмосковье люди с пейсами, в черных сюртуках и шляпах впервые за 70 с лишним лет жизни моего соседа по даче усомнились в том, что он еврей, ввергнув его в близкое к ступору состояние изумления. Мой страховой агент, молодой парень, каждую свободную минуту читает Новый завет, исчерканный, размеченный разными цветами и топорщащийся закладками во все три стороны.

Насильственно лишенная объединяющей идеологии, общество ответило захватившим власть над ним либеральным вивисекторам взрывом религиозного возрождения, – принимающего порой весьма причудливые, а порой и откровенно опасные для него самого формы.

Прежние системы взаимодействия общества и живущих в нем религий, оформленные в государственные институты, этому взрыву не соответствуют и прогибаются под его

давлением самым разнообразным образом, который часто вызывает общественный протест сам по себе. Стоит вспомнить передачу церкви школ, музеев и детских садов, строительства «гундяевок» (как успели окрестить в Москве «храмы шаговой доступности») и мечетей (стихийный митинг против одной из которых под неформальным лозунгом «Мы хотим остаться братьями с мусульманами» собрал в тихом Митино более 2 тысяч человек), введение в школах преподавания основ религий. Атеисты увидели в последнем мракобесие и ущемление их прав, государственно мыслящие люди – усугубление раскола общества по религиозному принципу, а многие верующие родители – наглое и ничем не спровоцированное покушение на чистоту веры (ибо они вполне разумно предпочитают, чтобы их детей учил по выходным доверенный священник, а не непонятно кто, взявшийся неизвестно откуда).

Этот список можно продолжать долго, но главное не в бесконечно разнообразных и крайне интересных самих по себе фактах, а в том, что они означают: прежняя система взаимодействия религий и общества, закрепленная государственными институтами, сформировавшаяся в позднесоветское время, категорически не соответствует реалиям религиозного возрождения и становится неадекватной, а часто и попросту вредной.

Значит, чтобы она не разрушала общество, а укрепляла его, ее надо менять. Эпоха «большого извинения» завершена.

Хочу подчеркнуть: данный материал ни в коей мере не посвящен внутренним проблемам тех или иных церквей, которые тоже болезненны для общества. Речь идет лишь о институционализированных государством механизмах взаимодействия общества как целого с его конфессиональными частями.

Если судить по интернет-опросам, охватившим почти 5 тысяч человек, то, несмотря на их понятную нерепрезентативность, общество демонстрирует поразительное единодушие в своем отношении к общественному положению церквей: 55% полагает, что они должны быть «полностью отделены от государства и быть равноправными с другими общественными организациями».

22% высказалось за контроль государства над церквями в той или иной степени: 10% – за советскую модель, при которой «церковь формально независима от государства, но на деле жестко контролируется им», по 6% – за существование церкви в качестве части департамента Минюста и за отделенность церкви от государства при праве последнего запрещать священнику проповедовать.

10% опрошенных высказались, напротив, за контроль церкви над государством: 7% в моральном плане и лишь 3% – непосредственно (что меньше заявивших о безразличии к теме – 6%, и о затруднениях с ответом – 5%).

Однако принципиально важно, что это стремление общества, в целом выражаемое чеканной формулой «церковь отделена от государства, а школа от церкви», не имеет никакого отношения к сегодняшней реальности.

Сегодня церкви являются отнюдь не «обычными» некоммерческими организациями: они не подлежат основной части регулирования в этом качестве, в определенной степени неподсудны гражданскому суду, не платят налогов и, соответственно, не несут ответственности перед обществом, к которому они принадлежат и в котором они функционируют.

Эта исключительность была естественной и оправданной для «эпохи большого изви-

нения», которой стали 90-е и «нулевые»: исключительные экономические и административные преференции церквям были формой компенсации за их ограничение в позднесоветский период.

Вместе с тем все более агрессивная экспансия религиозных фундаментализмов, в принципе не принимающих Россию как единый общественный организм, свидетельствует об исчерпанности конструктивных возможностей этой модели. (Стоит отметить, что возвращение шариатских судов вкупе с убийствами за нарушение религиозных норм «в отдельных регионах», как принято писать на бюрократическом воляпюке, является лишь одним из многих тревожных «звоночков»).

Извинения принесены, – причем не только словом, но и делом, – и Россия уже давно поняла, что требующие от нее превращения всего ее будущего в одно сплошное покаяние за грехи и ошибки прошлого (будь то сталинские репрессии, возмущение аморальным поведением целого ряда предреволюционных служителей культов, или недостаточно гуманное отношение к бандеровским бандитам, которых даже фашисты в деловой переписке называли «дикими зверями»), как правило, просто хотят ее убить.

Влияние на общество порождает ответственность перед ним Религиозная жизнь в той степени, в которой она влияет на общество (а благодаря религиозному возрождению она стала влиять на него весьма значительно), требует государственного регулирования точно так же, как и все остальные сферы жизни общества, – и старые механизмы этого регулирования изжили себя вполне наглядно.

Вместе с тем прямой переход к реализации устремлений общества по обеспечению независимости церкви от государства (включая их независимость от государственной помощи и преференций) представляется, с одной стороны, чрезмерно резким сломом реальности, а с другой – нарушением давних культурных традиций.

Не будем забывать, что православие, например, по самой своей природе культурно сращено с русской государственностью, а с исторической точки зрения во многом прямо и непосредственно творило ее. Ислам также официально выполнял многие функции государственной власти в нашем сегодняшнем понимании (например, судебные), – и этот список, вероятно, можно продолжить.

Однако близость к государству, принятие на себя определенных государственных функций должно сопровождаться и принятием встречных обязательств, и соблюдением определенных ограничений, важных для сохранения целостности общества. Важно и то, что это принятие и соблюдение могут быть только строго добровольными.

Поэтому для государства, осознающего описанные выше проблемы, было бы разумно предложить конфессиям, – и в целом, и на уровне отдельных церковных общин, являющихся основой всякой церкви, – сделать добровольный и свободный выбор между независимостью и свободой от общества в лице государства и симфонией с ним.

Разумеется, этот выбор можно будет сделать только один раз, поэтому на него нужно отвести достаточное для размышлений и консультаций время, – от трех месяцев до года.

Независимая от государства церковь или община должна быть обычной некоммерческой организацией, на общей основе платящей налоги с хозяйственной деятельности и имущества, регулярно и подробно отчитывающейся перед Минюстом и в случае получения иностранной помощи подпадающее под пресловутую норму об «иностранных аген-

тах». Государство не имеет право вмешиваться в ее внутреннюю жизнь так же, как оно не имеет право вмешиваться во внутреннюю жизнь любой другой некоммерческой организации. При этом в рамках организаций гражданского общества представители этой церкви или общины могут взаимодействовать с государством, – так же, как и представители других НКО.

Для церквей или общин, по тем или иным причинам считающих отделенность от государства неприемлемой для себя, должен быть предусмотрен путь симфонии с ним, предусматривающий четко проработанные институциональные механизмы взаимодействия.

Симфония церквей с государством требует организационной формы.

Светский характер государства, единственно возможный в многоконфессиональной стране, а также преобладание православия и ислама заставляет обращаться к опыту соответствующих светских государств.

Наиболее интересным с этой точки зрения представляется опыт Греции и Турции – в немалой степени потому, что эти страны, люто воевавшие друг с другом, сложившиеся в своем сегодняшнем виде именно в ходе этой войны и находящиеся в состоянии «холодной войны» и по сей день, создали весьма схожие механизмы взаимодействия церкви и государства.

С одной стороны, церковь не платит налогов за хозяйственную деятельность, связанную со священнослужением, и во многом выведена из стандартного «светского» регулирования. Священники как «пастыри душ» получают зарплату от государства, а не вынуждены «жить с прихода», в депрессивных районах напоминая порой голодающих учителей 90-х, а в богатых – олигархов. Публичные же высказывания против религии (как, впрочем, и против государственного строя) формально являются тяжким преступлением (хотя на деле оба эти правила соблюдаются редко).

С другой стороны, деятельность священников – вплоть до содержания проповедей – жестко контролируется государством, которое имеет право запретить священнику служение где бы то ни было, кроме собственной семьи, а при нарушении этого права, – посадить в тюрьму за уголовное преступление. Это вполне соответствует историческому опыту России, в которой со времен Петра Великого Русская православная церковь существовала на правах отдела при всего лишь департаменте Министерства юстиции (правда, именовался департамент пышно – Священным Синодом), и огромная часть ее имущества (сейчас возвращаемого ей) была государственной, переданной ей всего лишь в пользование. Безусловно, после краха государства в Февральской революции и восстановлении патриаршества эта система не вызывала у РПЦ теплых чувств, что нашло свое ярчайшее выражение в принципиальном отказе Патриарха Тихона помочь попытке спасения Николая Второго (правда, в порядке моральной компенсации один будущий святой послал другому освященную просфору). Однако во время функционирования этой системы недовольства в ее отношении среди священников, насколько можно судить, не наблюдалось, – как не наблюдается сегодня в Греции и Турции. Симфония с государством практически исключает возможность антиобщественной, антигосударственной деятельности отдельных священников, примеры чего столь ярки, например, в Великобритании, мечети которой едва ли не превратились в кузницу террористических кадров, и в США, где протестантский пастор вызвал кровавую дискредитацию своей страны в исламском мире.

Церковь, находящаяся в симфонии с государством, обладает по отношению к об-

ществу не только правами и духовными обязанностями, но и обязанностями светскими, объективно порождаемыми не ее духовной сущностью, но ее неотторжимой от нее сущностью как организации, действующей в обществе и влияющей на него. Эти обязанности, – пока государство выполняет свои обязанности перед ней, – обеспечивают эффективное выполнение церковью ее важнейшей общественной функции встроеного стабилизатора и нормализатора общества. (Сейчас эти обязанности не выполняются целым рядом церковью отнюдь не в силу их внутренней испорченности, но именно в результате трагического диссонанса между их духовными и организационными функциями, порожденного устарелой политикой государства.) Конечно, перевод священников на зарплату формально противоречит концепции светского государства, – но не больше, чем освобождение от налогов хозяйственной деятельности, направленной на обеспечение деятельности церкви. Кроме того, в рамках церковной симфонии с государством священник выполняет важнейшую государственную задачу по стабилизации и нормализации общества, которая заслуживает честной оплаты по меньшей мере так же, как, например, работа психотерапевта в государственной поликлинике.

Увеличение числа бюджетников за счет священников, конечно, нанесет удар по бюджету, – но этот удар будет с лихвой компенсирован сокращением расходов на противодействие различным (и в том числе порождающим друг друга) видам экстремизма. 329 Глава 4 КАКОЙ ПОЛИТИКИ ТРЕБОВАТЬ ОТ ГОСУДАРСТВА Независимая церковь – встроеным стабилизатором конфессиональной системы Зачем же в этой системе нужны независимые церкви? – ведь их не было в царской России! Не только по историческим причинам, не только потому, что многие церкви уже существуют в нашем обществе сами по себе, ничего не получают от государства и не пойдут на симфонию с ним, – но именно потому, что их не было в царской России. И отсутствие регулируемой и в силу этого не разрушающей, но оздоравливающей и стимулирующей конкуренции привело к жестокому кадровому кризису внутри Русской православной церкви. Многие знающие свою историю священники отмечают, что «по каким-то причинам» в последнее десятилетие XIX века в духовные училища пошли массы молодых людей, стремящихся не быть пастырями душ человеческих и не служить Господу, но всего лишь получить несложную и хорошо вознаграждаемую работу. И, выплеснувшись на просторы империи, эти люди возбудили к себе ненависть значительной части народа, без которой усилия большевиков-богоборцев после прихода их к власти не имели бы заметного результата.

Чтобы внутреннее загнивание церковью не повторилось (а некоторые признаки этого наглядно видны в том, как страшно, например, проигрывает современная РПЦ конкуренцию исламу и протестантизму и проигрывала бы католичеству, не вздумай ксендзы в начале 90-х пороть детей розгами даже в московских школах), – необходим постоянный доступ верующих к альтернативе, необходима разумная конкуренция, которая и будет существовать в форме независимых церковью и общин.

Церковь же (или отдельная община), выбравшая путь независимости, должно регулироваться, как и все остальное общество, и ее ответственность за нормальное развитие общества в полной мере будет регулируется обычным светским законодательством. При этом отдельные общины должны иметь право свободно и в любое время переходить от

одной церковной организации к другой со всем своим имуществом, необходимым для «отправления культа». И, разумеется, не только в стране в целом, но и на уровне каждого региона и каждого муниципалитета органы государственного управления должны быть обязаны соблюдать полное равноправие, на одном уровне, традиционных для России религий и, на другом уровне, религий нетрадиционных, но тем не менее имеющих. Нарушение этого правила должно беспощадно и сурово караться в соответствии с нормами уголовного права.

Вопрос о том, считать ли атеизм (то есть веру в отсутствие бога) религией, представляется весьма интересным и спорным с богословской точки зрения, однако юридически в рамках доктрины свободы совести нарушение прав атеистов является столь же неприемлемым и должно караться столь же сурово, что и нарушение прав верующих.

* * *

Описанная система представляется достаточно гибкой и вместе с тем вполне соответствующей культурно-историческим традициям народов нашей страны для того, чтобы религиозное возрождение современной России, – вне зависимости от нашего к нему отношения, – пошло на пользу нашему обществу, укрепило его и способствовало бы его развитию, а не уничтожило бы его, порвав великий народ на этноконфессиональные лоскуты.

Великая ложь приватизации должна быть разоблачена и исправлена

Собственность – это кража.

Прудон (подтверждено российскими либералами)

Последствия либеральных реформ, этой квинтэссенции длящегося вот уже более четверти века национального предательства, делают их тягчайшим преступлением против нашей страны и народа со времен гитлеровского нашествия.

Их стержень – кровавая приватизация: массовый захват общенародной собственности и ее концентрация у «нужных» людей разрушили правовое сознание общества, превратили закон в издевательство и породили бандитский беспредел. На каждом российском кладбище – поля могил, в которых лежит молодежь, выкошенная мечтой о вседозволенности и сладкой жизни.

Россия не забыла приватизационной вакханалии и не смирилась с ее последствиями; недаром перед выборами 2012 года Путин, встав перед необходимостью получить реальную поддержку народа, признал несправедливость приватизации и необходимость исправления ее итогов.

Приватизация принесла состояния своим либеральным организаторам, но главное – обеспечила их мощной социальной базой: фарцовщики пошли спекулировать заводами и, поднявшись на разрушении их львиной части, стали «офшорной аристократией».

Социальная цена этого была чудовищной: дезорганизованная страна окунулась в ад безысходности и нищеты. Ставшая символом либерального ханжества фраза Ясина «у вас ничего не отняли – у вас ничего не было» была предельно циничной наглой ложью

втройне: реформаторы отняли у страны уровень и качество жизни (в целом не достигнутые и сейчас), отняли принадлежавшую всему народу собственность и, наконец, отняли прочно забытые ныне «общественные фонды потребления». Через последние прибыль успешных государственных предприятий направлялась на финансирование мощного социального сектора, производившего главную производительную силу великой страны – культурного и компетентного человека.

Отнявшие у нас эти богатства либералы с блистательной наглостью и энергией, позаимствованными, похоже, непосредственно у нацистских пропагандистов, до сих пор пытаются уверить нас в принципиальной невозможности плодов этих «общественных фондов» – бесплатных здравоохранении, образовании, жилье и почти бесплатном отдыхе. Их животная ненависть к советской истории вызвана не трагичными, а, напротив, светлыми ее страницами, отрицающими либеральные ценности и сам образ жизни.

Приватизация направлялась в неправовое русло сознательно: реформаторы делали новых хозяев своими заложниками, так как любая другая власть отменила бы итоги приватизации как незаконные.

Сетуй на «правовой нигилизм», либералы тактично умалчивают, что породили его сами.

Приватизация разорвала живой общественный организм на ограбленных и ограбивших, если и не сознающих, то чувствующих себя таковыми. И сейчас для большинства студентов даже либеральных вузов первая ассоциация со словом «предприниматель» – слово «вор»: это кровоточащая генетическая память, переданная через поколения.

Восстановить единство России необходимо: разорванный организм не может ни развиваться, ни даже просто жить – он может лишь умирать, медленнее или быстрее.

Рефлекторный ответ – национализация – через поколение после катастрофы уже не является универсальным. Принцип «грабь награбленное» разрушителен: грабеж ради общества разоряет страну не хуже грабежа ради личных выгод.

Мы знаем на своем историческом опыте: «красногвардейская атака на капитал» укладывает красногвардейцев и капитал в одну братскую могилу. Восстановление единства нации требует более сложных механизмов.

Опыт есть: после «приватизации по дешевке», проведенной кумиром либералов Тэтчер, английское общество потребовало справедливости. Инструментом ее восстановления стал «компенсационный налог» в размере разницы между ценой предприятия и платой за него в ходе несправедливой приватизации: у бизнеса забрали подаренное реформаторами, оставив заработанную прибыль.

В нашей стране этим налогом надо облагать лишь источники сверхприбылей, в первую очередь – объекты залоговых аукционов 1995 года, бывших предельно откровенным преступлением. Государство брало кредит под залог своих лучших активов. Срок возвращения кредита – после президентских выборов: победы не Ельцин, бизнесу вернули бы деньги, а предприятия – государству. Именно залоговые аукционы заставили олигархов поддерживать Ельцина любой ценой, ломая страну.

Но главное в том, что большинство назначенных олигархами бизнесменов давали государству в кредит не свои, а его же собственные деньги – деньги бюджета, заботливо размещенные либеральными реформаторами в их банках.

Недаром при одном упоминании компенсационного налога либералы теряют человеческий облик от гнева: многие активы не раз сменили хозяев, а как можно сметь наказывать добросовестного приобретателя, купившего у приватизатора (или перекупившего у посредника) заведомо краденый комбинат? Но покупатель знает, что и у кого он приобретает – и несет все связанные с этим риски так же, как перекупающий у бомжей золотые часы или дорогой телефон.

Реальная трудность компенсационного налога – в ущербе предприятиям: ведь на его уплату, даже в рассрочку, придется вынимать деньги из оборота!

Выход – право собственников платить налог не деньгами, а акциями. Это накажет владельцев «паразитов», проедающих захваченные активы (им придется расставаться со значимой долей имущества), и простимулирует эффективных собственников: если они сильно нарастили капитализацию, полученный ими «подарок», с которым придется расстаться, будет незначительным.

Компенсационный налог – единственный способ укрепить и частную собственность, и справедливость; иного пути к цивилизации нет. Хотя отрицающие все, кроме интересов глобального бизнеса либералы, считающие критику олигархов антисемитизмом, а признание Уголовного кодекса – призывом к сталинскому террору, никогда не признают этого.

Но альтернатива одна – революционный передел собственности и срыв страны в новый хаос. Ведь наша страна и народ никогда не смиряются с результатом «большого хапка», отдавшим плоды непосильного труда наших отцов, дедов и прадедов в руки ничем не примечательных (кроме разве что жестокости и самовлюбленности) людей, назначенных миллиардерами. При этом практика доказала: олигарх, каким бы талантливым он ни был, за редчайшим исключением не может эффективно управлять свалившимся на него богатством.

Положение, когда одному принадлежит все, а всем остальным ничего, порочно. Тем более что олигархи, как правило, не собственники, а временщики. Они могут лишь, дрожа, ждать падения мировых цен на свое сырье и шантажировать государство бунтами во все новых Пикалево при обострении глобального кризиса.

Нужна иллюстрация: приватизатор или обеспечивавший приватизацию чиновник не может избираться, занимать руководящие должности, работать на госслужбе и преподавать общественные науки. Компенсационный налог – лишь частный случай реализации базового принципа, позволяющего уйти от ложного выбора между национализацией и приватизацией.

Этот принцип закреплен в Конституции безупречно рыночной Германии, по которой любая, в том числе и частная собственность должна служить обществу и священна лишь пока она служит ему. Если же она используется во вред обществу, она превращает себя во врага, подлежащего уничтожению. Задача России – не национализация и не реприватизация, но социализация собственности: постановка ее на службу обществу.

Инструмент реализации этого принципа на разрушающихся предприятиях – передача их в управление командам кризисных менеджеров. В случае успеха они должны получать 25%-1 акцию, чтобы не иметь блокирующего пакета, – а остальное надо передавать работникам.

Ведь для нормального общества надо дать людям возможность быть совладельцами предприятий, с которыми они связывают свою жизнь.

Собственность – фундамент рыночных отношений. Без фундамента, на песке нельзя построить ни дом, ни завод – только барак. Да, в нем может быть теплый сортир и занавески на окнах, но он останется баракком, и поколения будут рождаться в нем и проживать жизнь в мечте вырваться из него в нормальный дом, – может, и меньший по площади, но построенный не на песке.

Пока не перестанут рождаться, ибо всякой жизнеспособности есть предел.

Считающим это метафорой стоит вспомнить: дороговизна кредита, удушающего Россию, вызвана не только либеральной политикой властей, но и незащищенностью собственности. Незащищенностью, обусловленной объективно: нельзя защитить то, что несправедливо и в силу этого отвергается обществом.

Лишь реформа собственности создаст цивилизованную Россию – так же, как когда-то либералы другой реформой собственности сделали цивилизованную советскую Россию дикой.

Государственная собственность при разработке месторождений внутри страны, частная при экспансии вовне – вот формула оптимального сочетания государственной ответственности с частной инициативой в нефтяной отрасли.

Огосударствление нефтяного бизнеса стало глобальной тенденцией еще вскоре после кризиса 1997-1999 годов: уже в начале 2000-х аналитики с изумлением обратили внимание на рост запасов и добычи государственных нефтяных компаний и сокращение – частных. Это вновь привлекло внимание к проблеме оптимальной формы собственности – и помогло понять, что распространенное либеральноидеологизированное представление о большей эффективности частного бизнеса по сравнению с государственным верно лишь для малых и средних компаний. Для крупных корпораций разница малозаметна: частный бизнес демонстрирует примеры расточительства и даже неадекватности не менее интенсивно, чем государственный.

Не стоит забывать и о том, что по-настоящему крупные акционерные корпорации уже давно не относятся к частной собственности в ее классическом понимании. Частная собственность сохранилась на уровне семейного бизнеса, а на корпоративном она изжита. Когда акционеры практически никак не могут повлиять на топ-менеджеров (разве что уволить одних и нанять других таких же или еще хуже), это значит, что в реальности они не являются собственниками. С другой стороны, акционеры в массе своей и не хотят участвовать в управлении – они хотят быть не столько собственниками, сколько пенсионерами. Еще в забытом 1997 году по поручению российских реформаторов группой специалистов было проведено исследование сравнительной эффективности государственных и частных предприятий. Даже при наглядной заинтересованности заказчика и части проводивших его специалистов оно показало, что частное предприятие в России лишь чуть-чуть эффективнее государственного, – при том, что оно сравнивало частные предприятия самых рентабельных отраслей (которые к тому времени и были главным образом приватизированы) с государственными предприятиями в основном низкорентабельных отраслей. При такой базе сравнений вывод о том, что частные предприятия лишь чуть-чуть эффективнее государственных, на самом деле означал, что частная форма собственности в России была существенно менее эффективна, чем государственная.

Помимо идеологических предрассудков, представление о частной собственности как всегда более эффективной, чем государственная, продиктована политическими интересами чиновников. Ведь забастовка на государственном предприятии – это политический кризис, а на частном – выгодная для государства ситуация, так как оно, выступая арбитром, может повысить свое влияние.

Даже такой конченный либерал, как Джеффри Сакс, честно пытаясь осмыслить причину успеха Китая с его огосударствленной экономикой, пришел к выводу о том, что для успеха главное – институциональные условия, а не форма собственности.

На деле оптимальная форма собственности определяется технологиями и общим принципом гармонизации интересов бизнеса и населения. Он прост, хотя и выработан человечеством в жестоких социально-управленческих муках.

Во внешнем мире государство должно реализовывать в первую очередь интересы национального бизнеса как наиболее творческого и агрессивного элемента общества, поддерживая и частично направляя его экспансию.

Внутри же страны, где не нужны никакие агрессии, даже коммерческие, государство должно выражать интересы в первую очередь населения, – не столько из-за его преобладающего (в демократическом обществе) политического влияния, сколько потому, что внутренне нестабильное, расколотое общество не может быть конкурентоспособным.

Примером сочетания ориентации на интересы бизнеса во внешней политике и населения во внутренней – стихийно сложившееся отношение государств к форме собственности на нефтяные компании.

При добыче преимущественно на территории своей страны добывающие компании для удовлетворения интересов своего населения, как правило, находятся в государственной собственности (и не только в развивающихся странах, но даже в Норвегии). Добыча же, ведущаяся на чужой территории, для большей эффективности экспансии требует частной собственности. Здесь значим и сугубо практический аспект: стране, на территории которой находятся осваиваемые месторождения, легче допустить к их освоению частные иностранные, чем государственные иностранные корпорации, так как в последнем случае угроза утраты политического суверенитета более очевидна.

Описанная модель связана с весьма существенными издержками для бизнеса, но они вполне окупаются эффективностью государства, способного обеспечить как выполнение установленных им «правил игры» внутри страны, так и внешнюю экспансию бизнеса, за счет которой он получит гарантированно больше, чем потеряет от внутренних ограничений. Пример подобного самоограничения крупного бизнеса на внутренней арене – его согласие на антимонопольное регулирование (без которого такое регулирование ни при какой эффективности государства было бы невозможно в принципе).